

**ЛИЧНОСТЬ
И ВЛАСТЬ**

Беркович Евгений Михайлович — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, главный редактор журналов “Семь искусств” и “Заметки по еврейской истории”, издатель альманаха “Еврейская Старина”. В журнале “Человек” публикуется впервые.
E-mail: evgberkovitch@gmail.com

¹ Николаус Векляйн (Nikolaus Wecklein, 1843–1926) — немецкий педагог, филолог-классик, член-корреспондент Баварской академии наук, многолетний (с 1886 по 1913 год) директор мюнхенской гимназии имени Максимилиана.

ГЕЙЗЕНБЕРГ И ВРЕМЯ

© 2014

Е.М. Беркович

Гимназия имени Максимилиана

В конце девятнадцатого века мюнхенская гимназия имени Максимилиана считалась одной из лучших в Баварии. Возглавлял ее Николаус Векляйн¹, талантливый педагог и организатор школьного образования, сторонник глубокого изучения в гимназиях древней истории и классических языков. В гимназию он приглашал первоклассных учителей, особенно там, где дело касалось его любимой классики. В 1894 году преподавателем латинского и греческого стал Август Гейзенберг, незадолго перед этим защитивший докторскую диссертацию в Мюнхенском университете. Специалистом он был, видимо, действительно превосходным. Во всяком случае, когда в декабре 1909 года умер его учитель, профессор Крумбахер, заведовавший кафедрой византийской и новогреческой филологии Мюнхенского университета, занять освободившуюся должность пригласили именно его. Август Гейзенберг стал полным (ординарным) профессором, что в Германии означает высокую государственную должность со всеми положенными ей привилегиями: гарантированный высокий оклад, индексируемая пенсия и т. п.

Впрочем, время, проведенное в элитной гимназии, было потрачено не зря: там он нашел свою жену, дочь директора Анни Векляйн. Брак подарил родителям двух сыновей: старшего Эрвина, родившегося в 1900 году, и Вернера, который был на год младше брата. Мальчики посещали, естественно, ту же школу, где директорствовал их дед. В анналах гимназии имени Максимилиана сохранилась запись о том, как принц-регент Людвиг посетил это учебное заведение весной 1913 года, и ученик второго “А” класса Вернер Гейзенберг приветствовал высокого гостя своим стихотворением.

Оба брата стали во взрослой жизни учеными: Эрвин — химиком, а Вернер — физиком, лауреатом Нобелевской премии за 1932 год с формулировкой “за создание квантовой механики”. Премию присудили в следующем году, когда в Германии у вла-

сти были уже нацисты. И довольно скоро свежееиспеченный нобелевский лауреат испытал на себе, что значит развивать в Третьем рейхе “еврейскую физику”, как называли нацисты теорию относительности и квантовую механику.

“Осецкий в физике”

Несмотря на свою молодость — а ему в 1933 году исполнилось всего 32 года — Вернер Гейзенберг уже был одним из ведущих немецких физиков-теоретиков. Он необычно рано получил должность ординарного профессора Лейпцигского университета, где руководил институтом теоретической физики.

В 1935 году появилась реальная возможность занять еще более престижное место — освободилась должность профессора теоретической физики в его родном Мюнхенском университете, которую почти тридцать лет занимал учитель Гейзенберга патриарх немецкой теоретической физики Арнольд Зоммерфельд. В 1935 году тому пошел шестьдесят седьмой год, а в этом возрасте высокопоставленный государственный служащий был обязан уходить на пенсию.

Процедура назначения ординарного профессора в Германии всегда была непростой. Университет на своем Ученом совете утверждает список кандидатов на освободившуюся должность, как правило, из трех имен. Список направляется в курирующее данный университет министерство науки и образования, где утверждается один из кандидатов или отвергается весь список. Тогда процедура повторяется: университет составляет новый список кандидатов, который вновь направляется в министерство, и так до тех пор, пока кандидатуры университета и министерства не совпадут. Иногда процесс затягивается на годы. Так произошло и с утверждением преемника Зоммерфельда, однако в 1937 году перспективы назначения не вызывали почти никаких сомнений ни у молодого профессора, ни у руководства университета. Вернер и недавно ставшая его женой Элизабет (дочь берлинского профессора-экономиста Шумахера) уже подыскивали себе дом в баварской столице. Но 15 июля 1937 года, в тот самый день, когда чета Гейзенбергов прибыла в Мюнхен после свадебного путешествия, в официальном эсэсовском органе еженедельнике “Черный корпус” была опубликована огромная, на всю газетную полосу, статья против молодого физика-теоретика под убийственным названием “Белые евреи в науке”. В статье объяснялось значение этого термина:

«Победу расистского антисемитизма можно оценить только как частичную победу. Ибо не столько сам по себе расовый еврей нам опасен, сколько дух, который он распространяет. И если носителем этого духа является не еврей, а немец, то с ним нужно бороться вдвое решительнее, чем с расовым евреем, который не может скрыть происхождения своего духа. Народная мудрость

придумала даже специальное обозначение “белый еврей” для подобных бациллоносителей»².

В вину Вернеру Гейзенбергу в статье ставился тот факт, что он в 1936 году “протащил” в официальный партийный орган национал-социалистической партии статейку, в которой отстаивал истинность теории относительности еврея Эйнштейна, чтобы “заткнуть рот” ее критикам. Звание профессора в 1928 году Гейзенберг получил, якобы, незаконно, так как был слишком юн для такой чести. А заняв кафедру теоретической физики в Лейпцигском университете, он открыл дорогу в науку многим евреям, ущемляя при этом права “истинных арийцев”.

Говоря о присуждении Гейзенбергу Нобелевской премии за 1932 год, автор статьи в “Черном корпусе” называет его “Осецким в физике”, что предвещало Вернеру трагическую судьбу бывшего редактора газеты “Ди Вельтбюне” пацифиста Карла фон Осецкого, уже третий год томившегося в концлагере. Присуждение Осецкому в 1936 году Нобелевской премии мира настолько взбесило Гитлера, что тот запретил со следующего года подданным Третьего рейха получать эту “роеврейскую награду”. Сам Осецкий, замученный пытками, умер в 1938 году в берлинской больнице, так и не получив свободу, несмотря на протесты писателей, ученых и политиков многих стран.

Статья в “Черном корпусе” заканчивалась призывом удалить из немецкой духовной жизни таких наместников еврейства, как “Осецкий в физике” Вернер Гейзенберг.

Вокруг кафедры Зоммерфельда

Что же стояло за этой атакой нацистов на Гейзенберга? Дело в том, что вопрос о преемнике Зоммерфельда стал одним из центральных эпизодов борьбы национал-социалистов за господство в науке, в данном случае в физике.

Любая тоталитарная идеология стремится взять под контроль все стороны общественной жизни: от воспитания детей до репертуара театров, от фасона одежды до содержания школьных программ, от литературы до науки. И если в какой-то области знаний идеологические установки берут верх над всеми прочими, то наука умирает, а ученые, сохранившие ей верность, лишаются работы, свободы, а то и жизни.

Подобное случилось в СССР, когда “мичуринская биология” на печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года победила генетику. Отечественная молекулярная биология до сих пор не оправилась от нанесенного тогда ущерба. И недопущением к руководству кафедрами дело не ограничивалось... Похожая судьба ожидала в тридцатые годы двадцатого века теоретическую физику в Германии, где против нее ополчились сторонники так называемой “арийской” науки.

Термин “арийская физика” ввел в оборот Филипп Ленард, блестящий экспериментатор, получивший в 1905 году Нобе-

² Цитируется по: Cassidi D. Werner Heisenberg. Leben und Werk. Heidelberg; Berlin; Oxford: Spektrum Akademischer Verlag, 1995. S. 465.

левскую премию за исследование катодных лучей. Убежденный консерватор и националист, Ленард не был в начале своей деятельности ни антисемитом, ни нацистом. Он поддерживал уважительные отношения с Эйнштейном и даже рекомендовал его на место профессора теоретической физики в свой университет. Но общую теорию относительности он принять не мог, а после публичной дискуссии с ее автором на конференции естествоиспытателей и врачей в Бад-Наухайме 23 сентября 1920 года личные отношения между учеными были разорваны и Эйнштейн превратился для Ленарда в главного врага и основную мишень для нападок. Вскоре после этого Ленард одобрил программу национал-социалистической партии и стал преданным почитателем Гитлера.

С приходом нацистов к власти Ленард, вышедший в 1932 году на пенсию, получил статус ведущего физика Германии, с 1935 года его имя стал носить физический институт Гейдельбергского университета. В следующем году вышел в свет учебник Ленарда «Немецкая физика в четырех томах». В первых строках предисловия автор определяет суть нового понятия:

«— Немецкая физика? — спросите вы. — Я мог бы назвать ее также арийской физикой или физикой людей нордического типа, физикой исследователей реальности, искателей истины, физикой тех, кто основал естествознание.

— Наука есть и будет интернациональной — возразите вы мне. — Но такое утверждение в корне ошибочно. В действительности наука, как и все, что создают люди, зависит от расы, от крови»³.

Расистский подход сразу нашел поддержку у партийных бонз, прежде всего у главного идеолога национал-социализма Альфреда Розенберга.

В своей книге «Великие естествоиспытатели»⁴, вышедшей в 1929 году, Ленард старался обосновать тезис, что только арийские физики могли выдвигать основополагающие идеи о строении мира и материи. Ученые с еврейской кровью к этому не способны. А исключения, вроде Генриха Герца, открывшего электромагнитные волны, объясняются просто: у профессора Герца, руководившего, кстати, работой ассистента Ленарда в Боннском университете, была арийская мать, которой он и обязан своими успехами в экспериментальной физике. А вот вредное влияние еврея-отца привело к увлечению Герца теоретическими исследованиями.

Теоретизирование, математические выкладки, абстрактные понятия — все это, по мнению Ленарда, характерно для еврейских ученых. Настоящий физик-ариец во главу угла ставит эксперимент, наблюдения за природой, его выводы наглядны и понятны, основываются на классической ньютоновской физике и не требуют ломки традиционных представлений об абсолютном пространстве и мировом эфире. Общая теория относительности и квантовая механика с их непростым математи-

³ Lenard P. Deutsche Physik in vier Bänden. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1937. S. IX.

⁴ Lenard P. Große Naturforscher. Eine Geschichte der Naturforschung in Lebensbeschreibungen. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1929.

ческим аппаратом объявлялись догматическими конструкциями и ненужным балластом науки.

Как и в случае Генриха Герца, несомненную гениальность других физиков еврейского происхождения Ленард объяснял наличием у них хоть капли “арийской крови”. Если же, как у Эйнштейна, арийской крови совсем не было, то автор “Великих естествоиспытателей” находил каких-то арийских предшественников, которым и приписывались гениальные открытия.

В своем категорическом отрицании объективности науки и ее интернационального характера представители “арийской физики” целиком следовали позиции Гитлера, высказанной в “Майн кампф”.

Однако как интеллектуальное движение “арийская физика” была весьма неоднородна и исполнена очевидных противоречий. Она ставила на первое место эксперимент, а между тем мировое физическое сообщество всегда считало, что склонность к абстракциям и теоретизированию есть как раз типично немецкая черта. Ленард относил английскую физику к еврейской, однако именно англичане славились высоким уровнем своих экспериментов и активнее, чем их коллеги на континенте, поддерживали идею мирового эфира. Таких парадоксов, порожденных расовым подходом к науке, можно привести множество, но когда и какую идеологию смущали очевидные для внешнего взгляда противоречия? Зато они сильно мешали “арийской физике” добиться ее главной цели: стать господствующим мировоззрением всех немецких ученых и вытеснить теоретическую физику из программы немецких университетов. Большинство действовавших в Германии физиков были убеждены, что теория относительности и квантовая механика — перспективные инструменты познания мира, а их отрицание губительно для науки. (С той же “передовой мичуринской биологией” дело, как известно, обстояло куда как суровее — но это уже характеризует не столько “физику” и “биологию”, сколько среду, в которой конкретным физикам и биологам приходилось жить и работать...)

Столь же неоднородна и противоречива была политическая система гитлеровской Германии, включавшая в себя как малую составную часть и “арийскую физику”. Руководство Третьего рейха представляло собой нагромождение различных группировок с несовпадающими взглядами и целями. Эти группировки с переменным успехом боролись между собой, отстаивая собственные интересы. В частности, давно и упорно тлел конфликт между идеологическим ведомством Розенберга и министерством науки, воспитания и народного образования, которым руководил Бернгард Руст.

То, что Розенберг горячо поддержал вождя “арийской физики” Й. Штарка в его борьбе против Гейзенберга и предоставил в его распоряжение страницы партийного органа “Фелькише беобахтер”, стало для министерства дополнительным стимулом не давать Штарку дорогу к руководству немецкой физикой.

А отношение министра Руста к Штарку ясно видно из следующего эпизода. Штарк, который к 1936 году занимал два важных поста — президента Государственного физико-технического института (Physikalisch-Technische Reichsanstalt) и президента Чрезвычайного общества помощи немецкой науке (Die Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft), — попытался взять в свои руки самый главный рычаг управления научными исследованиями: стать президентом Общества имени кайзера Вильгельма. Это место освободилось после того, как Макс Планк, занимавший пост президента, отказался выставлять свою кандидатуру на новых выборах, назначенных на первое апреля 1936 года. Штарк уже готовился занять и это место, но министр Руст написал напрямую Гитлеру, что *“профессор Штарк, к моему большому сожалению, отвергается таким значительным числом ведущих ученых и государственных чиновников, что совместная работа с ним столкнется с большими трудностями”*⁵.

Фюрер не стал рисковать и назначил президентом Общества Карла Боша.

Проиграв выборы, Штарк все силы бросил на то, чтобы не допустить на кафедру теоретической физики в Мюнхене, считавшемся “столицей национал-социалистического движения”, ненавистного Гейзенберга и сделать преемником Зоммерфельда представителя “арийской физики”. А в более отдаленной перспективе руководители “арийской физики” мечтали о том, чтобы во всех немецких университетах кафедры теоретической физики были упразднены либо возглавлялись “правильными” учеными. Для этой цели все средства были хороши, и Штарк привлек к борьбе и национал-социалистические союзы немецких студентов и доцентов, и, как последнее средство, силы тайной полиции и СС.

Гейзенберг никогда не был членом национал-социалистической партии. Конечно, он, подчиняясь закону, начинал каждую лекцию нацистским приветствием, но нацистскую идеологию не принимал, расистские установки, на которых покоилась “арийская физика”, считал несостоятельными. К нему точно подходит термин “внутренняя эмиграция”, который его вдова выбрала для названия книги своих воспоминаний. В предисловии к этой книге выдающийся физик Виктор Вайскопф, ученик Бора и Паули, эмигрировавший в 1937 году в США, написал, что Гейзенберг стремился создать “островок порядочности”. Как отметил другой замечательный физик, Евгений Львович Фейнберг, *“это одно из самых точных определений его политической позиции”*⁶.

Самооборона Гейзенберга

Здесь не место описывать все подробности многомесячной травли Гейзенберга. Но один характернейший эпизод нельзя обойти. Уж очень много он говорит о том, как работала (или,

⁵ Цитируется по: Beyerchen A. Wissenschaftler unter Hitler: Physiker im Dritten Reich. Frankfurt a.M.; Berlin; Wien, 1982. S. 202.

⁶ Фейнберг Е.Л. Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания. М., 2003. С. 341.

в нашем случае, не работала) система, какую огромную роль играли случайные обстоятельства вроде бюрократических хитросплетений, родственных связей или знакомств.

На следующий день после выхода пасквиля в эсэсовской газете Гейзенберг написал официальное письмо министру науки, воспитания и народного образования Бернгарду Русту, который курировал университеты Германии. В этом письме обвиняемый в страшных преступлениях против рейха профессор Лейпцигского университета, т.е. высокопоставленный государственный чиновник, требовал от министра принять по его вопросу окончательное решение:

«Либо министерство считает выступление газеты “Черный корпус” правильным, и тогда я прошу моей отставки. Либо министерство отвергает подобные нападки, и тогда я верю, что имею право на защиту, которую, например, предоставили бы вооруженные силы Германии своему юному лейтенанту, оказавшись он в подобном положении»⁷.

Несмотря на молодость, Вернер Гейзенберг хорошо разбирался в хитросплетениях бюрократической системы гитлеровского государства и не надеялся, что письмо попадет в нужные руки, если его просто отправить по почте. Поэтому обращение к министру Русту он передал Гельмуту Берве, декану философского факультета в Лейпцигском университете, историку-античнику, который горячо поддерживал идеи национал-социализма, но при этом оставался хорошим знакомым “белого еврея”. Берве поддержал просьбу Гейзенберга и передал письмо выше по иерархии — ректору университета Артуру Книку⁸, который должен был его доставить непосредственному адресату — министру Русту.

Борьба Гейзенберга была не просто попыткой получить возможность работать по специальности и избежать концлагеря: речь шла о судьбе всех немецких физиков и той науки, которой Вернер посвятил жизнь. По свидетельству Е.Л. Фейнберга, не раз встречавшегося и беседовавшего с создателем квантовой механики, Гейзенберг жил при Гитлере с надеждой на то, что он *“все же сможет оберегать немецкую науку, воспитывать научную молодежь, делать все, что возможно, чтобы наука не деградировала окончательно и возродилась после войны”⁹.*

Не случайно в защиту Гейзенберга выступили его коллеги. Уже 20 июля 1937 года, через пять дней после появления статьи в “Черном корпусе”, физик-теоретик из Лейпцига Фридрих Хунд направил в министерство науки, воспитания и народного образования письмо, в котором высказал сожаление, что немецкому физическому приходится оправдываться от обвинений в эсэсовской газете. Письмо против позиции Штарка написал в ректорат Мюнхенского университета патриарх немецкой физики Арнольд Зоммерфельд¹⁰.

От писем физиков власти могли и отмахнуться, а вот к мнениям дипломатов прислушивались. У Гейзенберга был ученик

⁷ Cassidi D. Werner Heisenberg (см. прим. 6). S. 471.

⁸ Артур Кник (Artur Adolf Alfred Knick, 1883–1944) — немецкий врач, с 1937 по 1940 год — ректор Лейпцигского университета.

⁹ Там же. С. 323–324.

¹⁰ Beyerchen Alan. Wissenschaftler unter Hitler. Physiker im Dritten Reich (см. прим. 10). S. 220.

Карл фон Вайцекер, отец которого руководил отделом в немецком министерстве иностранных дел. Посол Германии в Риме Ульрих фон Хассель и Вайцекер-старший сообщали по своим инстанциям, что потеря такого ученого, как Гейзенберг, больно ударит по международному авторитету Германии. И к этим предостережениям в Третьем рейхе относились весьма серьезно.

Была еще одна инстанция, от которой существенно зависела судьба Гейзенберга. Это СС, которой и принадлежала газета “Черный корпус”. Окончательное слово было за рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, но не ясно было, как к нему обратиться, чтобы послание не затерялось в паутине его огромного полицейского аппарата. Выход предложила мать ученого, Анни Гейзенберг, которая взялась переговорить с матерью Генриха. Дело в том, что отец Анни — уже упоминавшийся директор гимназии имени Максимилиана в Мюнхене Николаус Векляйн — был хорошо знаком с руководителем другого мюнхенского учебного заведения — гуманитарной гимназии имени Виттельсбахов — Гебхардом Гиммлером¹¹, отцом будущего шефа немецкой полиции. Оба гимназических директора занимались в одном спортивном обществе и общались семьями.

Сейчас трудно себе представить, что будущий руководитель СС родился и воспитывался в добропорядочной семье высокопоставленного государственного служащего, знатока античности, истинно культурного человека.

Гебхард Гиммлер родился в 1865 году в городе Линдау на Боденском озере, на самом юге Баварии. Когда мальчику исполнилось восемь лет, умер его отец, семья жила скромно, но как прилежному ученику Гебхарду установили стипендию, благодаря которой он смог окончить ту самую гимназию имени Максимилиана в Мюнхене, которой через несколько лет будет руководить Николаус Векляйн. В октябре 1884 года Гебхард стал студентом Мюнхенского университета, где специализировался в классической филологии, и подрабатывал частными уроками детям знатных фамилий. Это помогло ему познакомиться с влиятельными людьми, которые способствовали потом его карьере.

С отличием окончив университет, он поехал в далекую Россию, где стал домашним преподавателем двух сыновей почетного консула (Honorarkonsul) Германии в Санкт-Петербурге барона фон Ламезана (Freiherr von Lamezan). Молодой преподаватель произвел хорошее впечатление на барона, близкого друга принц-регента Луитпольда, фактического правителя Баварии. Так Гебхард Гиммлер стал известен при королевском дворе и после возвращения в Мюнхен был назначен воспитателем принца Генриха фон Виттельсбаха, оставаясь в этой должности целых четыре года.

В том же году Гебхард женился на Анне Марии Хайдер, дочери богатого торговца. В качестве приданого она принесла

¹¹ Гебхард Гиммлер (Joseph Gebhard Himmler, 1865–1936) — немецкий педагог, филолог-классик, директор гуманитарной гимназии имени Виттельсбахов в Мюнхене.

в дом Гиммлера триста тысяч золотых марок¹². У Анны и Гебхарда родились трое сыновей, вторые имена которым давали в честь баварских принцев. Второго сына, родившегося в 1900 году, назвали в честь принца-регента Генрихом Луитпольдом. Его крестным отцом стал принц Генрих фон Виттельсбах.

Генрих Гиммлер был всего на год старше Вернера Гейзенберга, так что их матери могли разговаривать как сверстницы. Когда разразился скандал с “белым евреем” Гейзенбергом, Анна Мария Гиммлер уже год как овдовела и жила одна в небольшой мюнхенской квартирке, не показываясь на людях и не принимая никакого участия в публичной жизни. К ней и отправилась Анни Гейзенберг, чтобы просить за своего сына.

Как вспоминал профессор Гейзенберг в 1971 году, его мать описывала эту встречу так. Узнав о случившемся с Вернером, госпожа Гиммлер запричитала:

“Ах, боже мой, если бы только мой Генрих про это знал, он бы сразу что-нибудь предпринял, чтобы это прекратилось. К сожалению, в его окружении есть несколько неприятных людей. Это, конечно, абсолютно грязное свинство. Но я скажу моему Генриху. Он такой приятный мальчик — всегда поздравляет меня с днем рождения, шлет цветы и другие подарки. Итак, если я скажу ему только слово, он все приведет в порядок”¹³.

В конце разговора между двумя дамами возникла напряженность, из которой Анни Гейзенберг удалось ловко вывернуться. Анна Мария Гиммлер вдруг положила руку на плечо уже собиравшейся уходить матери Вернера Гейзенберга и неуверенно спросила, заглядывая ей в глаза: *“Может быть, Вы думаете, что мой сын выбрал неправильный жизненный путь?”*. Госпожа Гейзенберг ответила дипломатично:

“Ах, госпожа Гиммлер, мы, матери, ничегошеньки не понимаем в политике, ни в делах вашего сына, ни в делах моего. Но мы твердо знаем, что мы должны заботиться о наших детях. Вот почему я к вам пришла”¹⁴.

Госпожа Гиммлер посоветовала Гейзенбергу написать письмо непосредственно ее сыну и обязалась непременно передать ему послание. Все так и было сделано, и после тщательной, длившейся почти год проверки, учиненной физиком службами СС, все обвинения в его адрес были отклонены и ему доверили руководить созданием немецкой “урановой машины”, т. е. атомного реактора.

Во время проверки Гейзенбергу пришлось перенести немало тяжелых минут, о которых он помнил всю жизнь. В своих воспоминаниях “Часть и целое”, вышедших в 1969 году, Вернер вспоминает, как осенью 1939 года он сказал Вайцекеру: *«Ты же знаешь, что еще год назад меня неоднократно допрашивали по гестапо, и мне неприятно даже вспоминать о подвале на Принц-Альбрехт-штрассе, где на стене было жирными буквами написано: “Дышите глубоко и спокойно”»¹⁵.*

¹² Himmler K. Die Brüder Himmler. Eine deutsche Familiengeschichte. Frankfurt a. M., 2005. S. 38.

¹³ Цитируется по: Beyerchen A. Wissenschaftler unter Hitler: Physiker im Dritten Reich (см. прим. 10). S. 218.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Heisenberg W. Der Teil und das Ganze. München: R. Piper & Co. Verlag, 1969.

Русский перевод: Гейзенберг Вернер. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. С. 340.

Пиррова победа “арийской физики”

Е. Беркович
Гейзенберг
и время

Окончательной реабилитации Гейзенберг ждал целый год. Только 21 июля 1938 года рейхсфюрер СС сообщил ему в письме, что обвинения против физика, выдвинутые в статье из “Черного корпуса”, признаны не соответствующими действительности:

«Как Вы и советовали мне через мою семью, я приказал расследовать Ваш случай с особой тщательностью и дотошностью. Я рад сообщить, что не согласен с нападками на Вас в статье из “Черного корпуса” и что я запретил делать что-либо подобное в будущем»¹⁶.

Репрессий молодой нобелевский лауреат избежал, но стать преемником своего учителя Зоммерфельда на кафедре теоретической физики ему так и не дали. Партийные руководители национал-социалистов из канцелярии Рудольфа Гесса и управляемый ими Союз доцентов стояли на стороне “арийской физики” и были категорически против назначения Гейзенберга профессором в Мюнхен.

Осенью 1939 года после разговора в Министерстве науки, воспитания и народного образования Вернер окончательно понял бессмысленность дальнейшей борьбы и сам снял свою кандидатуру. Гиммлер и Руст обещали ему найти другое подходящее место, но вплоть до организации “Уранового проекта” ничего сделано не было. Начавшаяся первого сентября 1939 года война отодвинула научные проблемы на второй план. После четырех лет бесплодных усилий найти подходящего физика-теоретика на место Зоммерфельда министерство сдалось и одобрило кандидатуру Вильгельма Мюллера, предложенную националистическим Союзом доцентов. Худшей кандидатуры трудно было предложить.

Собственно теорией Мюллер никогда не занимался, у него не было ни одной научной статьи в физических журналах. Он даже не стал членом Немецкого физического общества. Область его интересов ограничивалась прикладной аэродинамикой, где он никогда не выходил за пределы классической физики. Главной заслугой нового преемника Зоммерфельда была полемическая брошюра “Еврейство и наука”¹⁷, вышедшая в свет в 1936 году, в которой он остро критиковал теорию относительности как типично еврейское создание.

Через год после назначения Мюллера стало ясно, что преподавание теоретической физики в Мюнхенском университете прекратилось. Вальтер Герлах¹⁸, профессор экспериментальной физики Мюнхенского университета, написал новому декану философского факультета ботанику Фридриху фон Фаберу о критической ситуации, сложившейся в отделении физики (письмо от 15 октября 1940 года). Убежденный национал-социалист Фарбер решительно встал на защиту Мюллера:

“Ваше утверждение, что в течение трех семестров не читается теоретическая физика, не соответствует действительности

¹⁶ Goudsmit S.A. Alsos. N.Y.: Shuman. S. 119.

¹⁷ Müller W. Judentum und Wissenschaft. Leipzig, 1936.

¹⁸ Вальтер Герлах (Walther Gerlach, 1889–1979) — немецкий физик, один из соавторов опыта Штерна — Герлаха.

ти. Каждый может, взглянув на расписание лекций, убедиться в том, что теоретическая физика у нас читается. Если же Вы теоретическую физику понимаете в смысле Эйнштейна — Зоммерфельда, то должен Вам сообщить, что ничего подобного больше в Мюнхене читаться не будет. Назначение профессора Мюллера для того и состоялось, чтобы окончательно закрепить это изменение. С удовольствием подтверждаю, что то, как проф. Мюллер восстанавливает честь теоретической физики, полностью одобряется и поддерживается преподавательским составом”¹⁹.

Казалось, что триумф “арийской физики” полный и окончательный. Но эта победа оказалась лишь тактическим успехом. Стратегически же статья в “Черном корпусе” привела к поражению сторонников Ленарда и Штарка. Она вызвала растущее сопротивление в рядах физиков-профессионалов. До этого большинство ученых старалось держаться от политики подальше. Но теперь стало ясно: если даже нобелевского лауреата и признанного всем миром теоретика можно лишить заслуженного места работы, то с менее известными физиками сторонники “партийной науки” могут сделать все, что угодно. Активность противников “арийской физики” заметно выросла.

К этому надо добавить, что и в самой науке в эти месяцы происходили революционные изменения. В январе 1939 года Отто Ган и Фриц Штрассман опубликовали работу о расщеплении ядра урана. Через месяц Лиза Мейтнер и ее племянник Отто Фриш дали теоретическое обоснование этого процесса. Человечество вступило в новую эру, когда роль физики в жизни общества неизмеримо вырастет.

Но в Германии процесс шел в другом направлении. Нацисты не уделяли серьезного внимания фундаментальным наукам, особенно теоретической физике. В этом партийное руководство полностью стояло на позиции “арийской физики”. В результате наука, в которой раньше немцы были мировыми лидерами, хирела, теряла престиж у молодежи, не могла больше похвастаться выдающимися результатами. Катастрофически сокращалось число студентов-физиков, многие университеты не могли заполнить вакантные профессорские места.

Лидерство постепенно переходило к другим странам, прежде всего к США и Великобритании. Физики-профессионалы, работавшие в Германии, стали бить в набат, им удалось, в конце концов, донести до властей весьма тревожную информацию о потере Германией ведущего положения в физике. Например, в области атомных и ядерных исследований в 1927 году в Германии было опубликовано 47 статей, а в других странах Европы и в США — только 35. К 1933 году эти показатели сравнялись: по 77 статей. Но уже через четыре года положение изменилось явно в пользу американцев и европейцев — 329 статей против 129 немецких авторов. А к 1939 году разрыв еще увели-

¹⁹ Цитируется по: Beyerchen A. Wissenschaftler unter Hitler: Physiker im Dritten Reich (см. прим. 10). S. 227. Письмо датировано 6 ноября 1940 года.

чился: 471 статья против 16620. В США действовало 30 ускорителей заряженных частиц, в Англии — 4, а в Германии — только один.

Тревожность положения стала, наконец, очевидна и руководству страны. Поддержка “арийской физики” стала ослабевать. Это почувствовали и сами вожди партийной науки и пошли на компромисс: 15 ноября 1940 года, ровно через месяц после бесцеремонного ответа декана Фарбера профессору Герлаху, в Мюнхене состоялись беспрецедентные переговоры представителей “арийской физики” и ученых-профессионалов. Были представлены специалисты разных направлений, теоретики и экспериментаторы. После ожесточенных споров стороны приняли компромиссную резолюцию, означавшую перемирие в многолетней идеологической войне. Резолюция состояла из пяти пунктов, первый из них звучал как признание “арийской физикой” своего поражения в главном предмете спора:

*“Теоретическая физика со всем ее математическим аппаратом — необходимая составная часть всей физики”*²¹.

Это как раз тот тезис, с которым неустанно боролись отцы-основатели “физики людей нордического типа”. Не случайно Филипп Ленард, не участвовавший в переговорах в Мюнхене, назвал резолюцию, допускавшую справедливость общей теории относительности, “предательством”.

Показательно, что и в СССР, где господствовала другая тоталитарная идеология, теория относительности и квантовая механика решительно отвергались партийными философами и поддерживающими их физиками. Но если в Германии теории Эйнштейна и Гейзенберга — Борна попадали в категорию “еврейской физики”, то в СССР до смерти Сталина они считались “реакционными идеалистическими измышлениями”. Обвинение в идеализме было очень серьезным: за это ученый мог не просто лишиться работы, но и попасть в тюрьму или лагерь.

Особенно усилились нападки на современную теоретическую физику в Советском Союзе в конце сороковых—начале пятидесятых годов двадцатого века. Под видом “защиты материализма от буржуазной идеологии” использовались те же ярлыки и штампы, которые применяли и сторонники арийской физики в Германии. Например, третий пункт компромиссного соглашения 1940 года звучал так: *“Четырехмерное представление процессов в природе является полезным математическим приемом, но не означает введения новых представлений о пространстве и времени”*²². Это была явная уступка физиков-профессионалов своим идеологическим противникам. Примерно то же утверждается и в солидном сборнике “Философские вопросы современной физики”, изданной Академией наук СССР в 1952 году: *“То, что Эйнштейн и эйнштейншники выдают за физическую теорию, не может быть признано физической теорией”*²³. Под этими словами с удовольствием подписались бы и Ленард со своими последователями. И лозунг, провозглашен-

Е. Беркович
Гейзенберг
и время

²⁰ Beyerchen A. Wissenschaftler unter Hitler: Physiker im Dritten Reich (см. прим. 10). S. 249.

²¹ Ibid. S. 241.

²² Ibidem.

²³ Философские вопросы современной физики. М., 1952. С. 575.

ный в книге 1952 года, несомненно, одобрили бы все представители “арийской физики”: *“Разоблачение реакционного эйнштейнианства в области физической науки — одна из наиболее актуальных задач советских физиков и философов”*²⁴.

К счастью для советской науки, с физикой не произошла та катастрофа, что случилась с генетикой и молекулярной биологией в 1948 году. А вероятность такого же сценария была очень высока. В январе 1949 года должно было состояться Всесоюзное совещание заведующих кафедрами физики высших учебных заведений совместно с научными работниками Отделения физико-математических наук Академии наук СССР. Это совещание задумывалось провести по образцу разгромной для генетики сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года. Трудно сказать, что осталось бы от советской теоретической физики, если бы совещание состоялось. Но ведущим физикам страны, прежде всего президенту АН СССР С.И. Вавилову и руководителю советского атомного проекта И.В. Курчатову, удалось добиться сначала отсрочки, а потом и отмены этого судилища. Сначала совещание было перенесено на март, а потом постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1949 года отложено на неопределенный срок *“ввиду неподготовленности этого совещания”*²⁵.

Очевидно, создание атомного оружия оказалось для советского руководства более важной задачей, чем наведение идеологической чистоты в умах физиков-теоретиков.

По сходным причинам и в Германии в ходе Второй мировой войны постепенно сошла на нет роль “арийской физики”. Надежды нацистского руководства на то, что ученые смогут создать для Третьего рейха чудо-оружие, оказались выше идеологической привлекательности “немецкой физики”, построенной, как и нацизм, на расовом фундаменте. “Нормальная” физика была спасена, однако супербомбу для фюрера немецкие физики, к счастью, так и не построили.

²⁴ Там же. С. 47.

²⁵ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: МФД: Материк, 2005. С. 380.